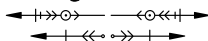

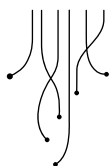

Наталя
Мазуркевич

ТРИ ГЛОТКА ВОЛШЕБНОГО НАПИТКА

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Разработка серийного оформления *О.Закис*

Иллюстрация на переплете *Л.Совы*

Мазуркевич, Наталья Витальевна.

М13 Три глотка волшебного напитка / Наталья Мазуркевич. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-122868-2

Жил-был принц. Неплохо жил, пока в один далеко не прекрасный день не подхватил проклятие. И такое мудреное, что жить всем в королевстве стало плохо-плохо. Ну как всем — служителям богов и королевской страже. Первым — ибо предсказали принцу, что только истинный жрец снимет с него проклятие. Вторым — ибо истинных все никак не находится и приходится по провинциям разъезжать и жрецов отлавливать. А те чем дальше от столицы, тем вертлявее, только и успевай в погоню снаряжаться. И как все это связано с тихим-мирным Триером? Да просто у нас самое большое число жрецов на душу населения. Куда ни плюнь — там и жрец. Но в меня плевать не нужно! Хотя... и я жрец.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122868-2

© Мазуркевич Н.В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Глава 1

О ЛАВКАХ ТРИЕРА, МЭРЕ, ЕГО СЕКРЕТАРЕ И ИМПЕРАТОРСКОМ УКАЗЕ

Мало кто знает, но в Триере самые грабительские налоги на ведение любой коммерческой деятельности. Почему так? Все просто. В последнем заявлении мэра, поднявшем продажи протухших помидоров на небывалый уровень, ясно значилось: господин Берт, заботясь об окружающей среде, запрещает рынки, как места большого скопления людей и массовой порчи воздуха. Посему торговать следовало в специально выделенных местах, то бишь арендованных у городского совета и принадлежащих некоему господину Берту, и получив лицензию на определенный вид деятельности в гильдии, отчислявшей десятину с каждой лицензии в банк Краста, племянника небезызвестного господина Берта. Нарушители же озвученного постановления жестоко карались изъятием всей произведенной либо же реализуемой продукции и ссылкой на рудники. Последние, к слову, принадлежали все тому же... Догадаться нетрудно, верно?

Единственными, освобожденными от торгового налога лично его величеством Аристаром Пятым, были жрецы всех зарегистрированных культов. Стоит ли говорить, что по числу имеющихся культов

Триер занял почетное первое место, обогнав даже столицу? И я внесла свой вклад в увеличение божественного пантеона империи Сахран, зарегистрировав приобретенную лавку в качестве храма Великой Таан-Риэль-Сахти. Правда, как сказал мне один клиент, данная особа некогда жила в империи Сахран. Но было это столь давно, что поймать меня на афере не сможет даже верховный жрец, получивший, по слухам, пост за обильные возлияния со своим предшественником.

Как бы то ни было, дела мои шли неплохо. Настойки «Священной бодрости» шли на ура, пополняя мой карман и казну кульга каждую седмицу, как раз перед началом трудовой недели. А посему следовало подготовиться, ведь неделя как раз начиналась.

Звякнул колокольчик, заставляя меня расплыться в улыбке, и в лавку протиснулся кузнец. Лицо его выражало вселенскую скорбь, а запах... запах мог убить эльфа на расстоянии десяти шагов. Но мне все это было нипочем. Прищепка на носу решала любые проблемы и значилась неотъемлемой частью жреческого облачения служителей моего кульга.

— Чего желаем? — осведомилась я, выкладывая на прилавок сразу четыре бутылечка. — Пожертвуй на алтарь святой Таан, — я указала на купленное у старьевщика чучело непонятно кого, — и обрети спасение. Минимальная планка подношения сегодня две серебряшки.

Кузнец понятиливо кивнул и, не глядя, бросил в корзину требуемую сумму.

— Да благословит тебя пресветлая Таан.

Я осенила кузнеца непонятным знаком и, вложив в раскрытую ладонь набор истинно верующего, вы-

ставила за дверь. Нечего мне лишний раз воздух отравлять. Мэр все же иногда был прав, пусть и брал за свою правоту непомерно много.

Последующие посетители мало отличались от кузнеца. Заходил и почтальон, и скромный библиотечарь, и послушник пресветлого Кардалиса (официальный храм которого имелся на главной площади, поскольку именно в него веровал мэр, поддаваясь столичной моде), и начальник городского гарнизона, и даже личный секретарь господина Берта.

Этот был под стать своему начальнику. Скользкий белобрысый тип, каждый раз пытающийся подловить меня на нарушении и получить скидку. Пока ему это ни разу не удалось, но Колин Трести не оставлял попыток.

— А где тексты заповедей? — с порога огорошил меня Трести, внимательно оглядывая помещение лавки. В его руках, словно бы по волшебству, появилась «Опись храмового имущества. Редакция сорок пятая. Исправленная, дополненная, согласованная, принятая единогласно». Год издания был старательно затерт, но не даром ко мне сам бывший архивариус Триерской библиотеки заходил: у меня были копии всех указов о быте храмов различной вместительности. А потому я расплылась в профессиональной, благожелательной улыбке во все зубы и милостиво кивнула засланцу.

Станным образом, когда заходил господин секретарь, колокольчик старательно молчал, будто клиент просачивался сквозь дверь, а не открывал ее, как нормальные люди. Впрочем, от секретаря мэра меньшего ожидать было бы кощунством.

— Где и всегда. — Я пожала плечами и, бросив быстрый взгляд себе за спину, тихо выругалась. Записи, вместо того чтобы висеть над прилавком, мирно почивали под ним. Хорошо еще, что место их висения не было оговорено в правилах оформления храмов. — Вот!

Я указала пальцем под прилавок. Секретарь недовольно поморщился, но от проверки воздержался. Все же у меня была не таверна, а потому пыль под прилавком можно было и вовсе не убирать. Я, конечно, до такого не доходила, но и каждый день с тряпкой не танцевала.

— Алтарь... — проговорил секретарь, подходя к постаменту.

На этот атрибут пришлось раскошелиться. Вмиг переквалифицировавшиеся торговцы заказывали атрибутику в кратчайшие сроки, а потому цены на нее заламывались такие... Подозреваю, мэр и тут успел нажиться. Не мог старый прохвост не знать о лазейке. Может, сам и оставил, чтоб сбыть неликвид со своих складов — кто теперь правду скажет?

— Идол, — продолжил сверяться со списком секретарь. — Служитель. — Быстрый взгляд на мою улыбающуюся физиономию. — Товар...

— Подношение! — поправила я, зная, как Трести цепляется к формулировкам. Один раз неосмотрительно кивнешь — и все, доказывая потом, что не торговец, а честный жрец. — В соответствии с правилами проведения жертвоприношений, подношение должно быть утилизировано просящим строго определенным образом. Инструкция прилагается к каждому подношению. При отступлении от оной жрец, то есть я, ответственности за последствия не

несет. — Я сунула под нос Трести пергамент. — Распишитесь, что ознакомлены. Обратите особое внимание на сроки. Просрочка может привести к неприятным последствиям для вашего организма. Вам как обычно? С клюквой и мятой?

— И лимоном, — расписываясь и отдавая мне пергамент, добавил секретарь, заглянув уже совсем в другой список. — Также два крема от прыщей и один от морщин.

— Одну минуту, — кивнула я и скрылась под прилавком. Вот интересно, если в один прекрасный день мою лавочку прикроют, кто больше расстроится: я или мэр? Ведь это ему со своими дамами жить, а я уеду из города и...

Я вздохнула. Уехать из города я пока не могла. Да и куда ехать? На Ледяные острова? Или в Заповедные дали? Но кому я там нужна, там и своих алхимиков хватает, а у меня и официальной бумаги-то нет. Прежняя сгорела, а новую никто пока терять не собирался. Да и стража в город не пустит: без документов-то. А денег на новую взятку пока скопить не успела.

— Забирайте. — Я поставила на прилавок требуемые склянки, к каждой приложила сложенный вчетверо лист с инструкцией. — Справить подношение не позднее следующей седмицы, — напомнила я дату нашего следующего свидания с секретарем.

Тот кивнул и отточенным жестом бросил монеты в корзину. Сколько — он помнил назубок. Ни разу еще не ошибся, но и не переплатил. Жмот. Совсем не ценит мою обходительность!

— Долгих лет жизни господину Берту! — прокричала я вслед захлопывающейся двери, отчего та

громко стукнулась о косяк. И зря господин секретарь так нервничает каждый раз, как я его начальнику здоровья желаю, сил на настоящее проклятие у меня не было, а у тех, у кого они были, давно деньги кончились.

Сверившись с часами, я облегченно выдохнула, снимая с носа прищепку, и неторопливо вышла из-за прилавка. В храме требовалось проветрить и навести красоту перед закрытием. Утром, я готова была спорить на золотой, меня на такой подвиг не хватит.

Потянувшись, вдохнула полной грудью... и закономеренно раскашлялась от благовоний, которые требовалось палить не менее трех раз в день. Ругаясь про себя и на себя, я поспешила настежь распахнуть окна.

Скрипнули старые ставни, в лицо дунул осенний ветер, а до ушей донеслось одобрительное:

— Ну и страхолюдина же ты, Шерька!

— Стараюсь.

Я благосклонно кивнула, принимая констатацию факта за похвалу (не обижаться же, в конце концов, на правду, а первое место на ярмарке красавиц мне не светило), и помахала рукой ближайшему конкуренту.

Говард Лорти держал храм напротив, но, в отличие от меня, открывался ближе к вечеру. Детей в святая святых не пускал до наступления их совершеннолетия, а там они уже сами приходили поближе познакомиться со вторым по популярности и первым по народной любви божеством города и вознести ему хвалу, если жена вовремя скалкой не огреет. Но тут уж, как говорится, кто на какие жертвы ради Бухуса идти готов.

Заприметив первых паломников, я поняла, что с уборкой следует поторопиться, иначе и ко мне вскорости могут по ошибке заглянуть чужие прихожане. А нам чужого не надо. Вот совсем. Замаешься после них убираться — весь дом загадят и не заметят.

Я покосилась на чучело и, обняв его покрепче, перетасила на крыльцо. Тяжелое, с жесткой шерстью, оно так стремительно собирало пыль и запахи, что без ежедневного проветривания я рисковала отравиться одним им, ночуя этажом выше.

Сгрузив идола на обшарпанные доски крыльца, я помахала застывшему посреди дороги мужику. Тот сглотнул и поспешил преклонить колено перед божеством. Жаль, не тем, к которому так стремился.

— Опять ты эту страшилую вынесла! — обвиняюще воскликнул Говард, подхватывая своего клиента под мышки и заноса в бывший кабак.

— Стребуешь прибавку за доставку, — подсказала я, пожимая плечами, и хлопнула дверью.

Опасения, что кто-то покусится на идола, остались в прошлом. Это по весне все жреческие атрибуты следовало приковывать к себе, чтоб не увели. Нынче же народ успокоился, обтерся, понял, что новых храмов больше открывать не собираются: лавок в городе практически не осталось, — и выдохнул.

Подвязав юбку повыше, я принялась за уборку. Подмести пол было делом пары минут, а вот вымыть его, соскребая налипшие на половицы следы болота, так просто не выходило. Да уж, не с местным болотником мне надеяться на чудо. Этот низший людей на дух не переносил.

— Узнаю, кто принес, — отлучу от храма! — буркнула себе под нос, едва не утыкаясь им самым в злополучное пятно.

Помещение медленно, но верно наполнял свежий воздух, а потому вонь от следа становилась все более ощутима, чем сильнее я его терла. Наверное, дешевле было бы отодрать половицу и огородить веревкой, но господин Трести не преминет уточнить, что случилось с полом храма, и доказывать, что дырка в полу — проявление божественной благодати, а не попустительства одинокого жреца.

— Ау! — От усердия я задела пол ногтем и чуть с последним не рассталась. На глаза выступили слезы, и я решилась. Ничего же плохого не случится, если уберу одно крошечное пятнышко?

Идея была слишком заманчива, и я вновь покосилась на пятно. Оно не стало отвечать, храня неумолимое молчание и не торопясь исчезать, несмотря на второе истраченное на него ведро чистой воды.

— Ладно, твоя взяла, — пробормотала я, накрывая пятно рукой и сосредотачиваясь на своих ощущениях. В лицо дохнуло болотной тиной и тухлыми яйцами. — Исчезни, — попросила, поднимая руку и сгибая пальцы. Без удовольствия окунула руку в грязную воду, выбрасывая туда извлеченную из дерева грязь, и села на пол. На лбу выступил пот. И хотелось думать, что от физической нагрузки, а не моего невинного колдовства. Впрочем, оба варианта не радовали.

Покончив с уборкой, я втащила чучело обратно и закрыла ставни. Сходила наверх переодеться и умыться, превращаясь из ночного кошмара в обычную горожанку. Светло-русую, худую, как спичка, и такую же вытянутую. Кожа да кости, как мне льстили

соседи. Некоторые даже старались подкормить, да только зря — сколько бы я ни ела, поправиться мне не грозило. Почему? А вот это большой и страшный секрет, о котором лучше бы никому не знать. А то еще поправлюсь и в дверь не войду. Шутка, конечно, но на себе проверять не хочется: денег на новые платья и в помине нет, как и доброхота, готового возложить обновки на алтарь Таан-Риэль-Сахти. А больше и неоткуда помощи ждать.

Склонившись над корзинкой с пожертвованиями, я выгребла оттуда монетки помельче. Им нашлось место в моем кармане. Те же, что покрупнее, перепрятала: подходил срок платить за дом, а хозяин ни в какую не соглашался снизить цену. Ни ради божественной благодати, ни отдавая дань моей неземной красоте. А я даже улыбаться пробовала, во все зубы, искренне, как любимому клиенту. Но господин арендодатель лишь хмыкнул и попросил не угрожать.

А говорили — проверенный способ!

Крики на улице стали громче, и передо мной возникла дилемма: остаться дома и всю ночь маяться от бессоницы, или отправиться гулять и отсыпаться следующим днем. Второй день недели был не слишком доходным, а потому можно было и отдохнуть лишний часок. Да и на болото сходить не помешает: некоторые ингредиенты подходили к концу, в отличие от спроса на кремы из них.

Решено. Идем обновлять запас. Вид у меня как раз располагает. Встречу кого на погосте — и те за свою примут. А все платье виновато: белое, в пол, на штору похожее, самое дешевое, что у старьевщика нашлось. Не иначе с того самого погоста и принесли, уж больно у госпожи Клеренс улыбка ласковая становилась,

стоило меня увидеть, и о здоровье справлялась регулярно, будто бы ждала чего. Только не дождется. Никто не дождется. Хуже, чем есть, уже и представить сложно.

Стражники на воротах традиционно осенили себя знаком Пресветлого, а разглядев получше, стукнули себя по лбу и заухмылялись.

— Опять в лес, Шерька? — поинтересовался тот, что помладше. Его напарник промолчал. Этот ко мне регулярно заглядывал, так что старался не зубоскалить.

— А куда еще? — вопросом на вопрос ответила я и, ощущая странную тревогу, давно уже меня не посещавшую, уточнила: — Чужаков не было?

— Не, кому охота в наш славный Триер, осененный милостью богов, и господина Берта, славься его... — начал было стражник, но сам не удержался и захохотал. — Да кому мы нужны? — отсмеявшись, добавил он. — Спокойный тихий городишко со своими заморочками. Как ты появилась, так больше пришлых и не было.

— Ясно, — кивнула я, обрывая беседу. — Утром вернусь. Не храпите громко, всех волков распугали уже.

— Так для тебя стараемся, — осклабился неунывающий стражник и подмигнул.

Я хмыкнула и юркнула через калитку: еще бы для меня кто ворота поднимал. Их даже для господина Трести последний раз поднять не смогли, но тут уж его начальника вина: решил, что и без смазки работать будет, а оно вот как вышло. И как ни ругался секретарь, как ногами ни топал, железо не горожане — никакими речами не проймешь! Зато в городе новый

анекдот появился, хотя и это господина Трести не порадовало. Вот такой он скучный тип.

Стражник еще что-то бросил мне вслед, но слов я не разобрала, зато их смех слышался еще долго. Но мне и не жалко: за вход-выход плата полагалась, а меня пускали даром. Видать, любимое чувство у них — я. Еще бы и с других плату за просмотр взять — вмиг дом выкуплю.

Мечтательно зевнула и тут же дернула себя за кончик косы. Не время предаваться праздности, травы сами себя не соберут!

Словно бы в ответ заколыхался росший по обе стороны от торгового тракта амарант. Несмотря на уверения купцов, в Триере и окрестностях растение не оценили, но и избавиться от него так и не смогли. Правда, терзали меня сомнения по поводу этих попыток, но тут уж поверим мэру на слово. Не мог же он на выделенные средства третью баню отстроить.

Мне амарант также был без надобности, а потому я шла мимо, отходя все дальше от тракта и погружаясь глубже в лес. Где-то вдалеке завыл волк, выходя на охоту. Встрепенулись попрятавшиеся зайцы. Комары заметно приободрились и бодро припустили в мою сторону, чтобы, зависнув в шаге от цели, разочарованно улететь.

Я довольно улыбнулась. Никогда не любила кровососущих, как, впрочем, и они меня. Но если раньше я представляла для них гастрономический интерес, то сейчас могла и сама их слопать. Не в буквальном смысле, но погибшим от враз покинувших их сил насекомым от этого легче не станет.

Птицы, а их в лесу гнездилось немало, игнорировали мое присутствие. Чего нельзя было сказать